

УДК 72.03
ББК 85.113(2)
DOI 10.18688/aa2414-7-39

В. Г. Басс

История советской архитектуры: взгляд из Ленинграда рубежа 1940–50-х годов. К вопросу о разнообразии историографических перспектив

В ноябре 1948 г. в ленинградском отделении Союза советских архитекторов проходит общественное обсуждение конкурсных проектов Василеостровского райсовета. Один из выступающих, Я. Н. Лукин, сравнивает представленные работы с административными зданиями Ленинграда. Про Московский и Кировский райсоветы он говорит следующее: «Это была дань времени. Сейчас нас это меньше удовлетворяет и эти здания стали быстро морально изнашиваться, стареть, за счёт того, что формы этих зданий не обладали глубиной и выразительностью, присущей ленинградской архитектонике»¹. И далее: «У нас очень часто говорят, что вопросы новаторства и вопросы традиций — это основные вопросы советской архитектуры. Правильно! Но следует ли из этого, что мы должны выбросить в мусорную корзину истории ордер, колонны? Мы знаем, что на всем протяжении развития человечества колонна, арка, ордер неотъемлемы от творений архитектуры»². Казалось бы, в конце 1948 г. странно задаваться подобными вопросами: модернизм давно повержен, советские архитекторы «освоили классическое наследие» и говорят на языке ордера. И тем не менее, профессиональные тексты этого периода, в частности, протоколы «цеховых» дискуссий демонстрируют неожиданное разнообразие мнений, мало заметное в перспективе «большой» истории советской архитектуры, в рамках стилевых генерализаций, но актуальное для самих участников процесса. Так, на том же заседании неожиданно выступает А. И. Лапиров: «Когда я присутствовал на нашем “знаменитом” собрании на Невском, посвящённом музыке, то мне запечатляющим показалось выступление Лангбарда и то, как его ругали. <...> Поэтому, когда я приехал в Минск, я сразу поехал на Правительственную площадь и, обозревая здание, построенное Лангбардом, не мог отделаться от вопроса, что русский советский конструктивизм был ошибкой, — да, был ошибкой, но что, может быть, этот русский советский конструктивизм обмолвился здесь самой красивой своей ошибкой, ибо, несмотря на ряд недостатков, Лангбарду удалось дать образ правительственного здания. Я знаю, что, говоря так, я рискую в ваших глазах прослыть человеком, никого не боящимся: как, дескать, я могу поднимать теперь проблемы советского конструктивизма? Но <...> не поддаваться этому ощущению я не мог. <...> И то же самое ощущение возникло, когда я издали <...> посмотрел на здание театра, сделанного Лангбардом,

¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 341. Оп. 1. Д. 188. Л. 31.

² Там же. Л. 33.

здание, которое вблизи поразило меня грубостью форм. Почему? Потому что — пусть в зачаточном состоянии, но я почувствовал там биение какого-то пульса, какое-то дыхание. Правда, потом ему “вправили мозги” и он стал работать в другом направлении. Но об этом направлении Лангбарда я предпочитаю молчать... Не только Лангбард, но и целый ряд других советских архитекторов сделали рывок куда-то, в какую-то новую архитектурную даль, к каким-то новым архитектурным берегам. Этот рывок был очень знаменателен. Кое-где он нашел совсем неплохое воплощение у нас в СССР»³.

Эту сдержанную попытку Лапирова купирует Ф. Олейник: «Товарищ Лапиров также сказал, что, мол, было время, когда у нас был русский конструктивизм <...>. Русского конструктивизма не было — это было западное явление. Был русский ампи́р, русский классицизм, но русского конструктивизма не было. Это попавшее к нам случайно архитектурное течение, мы его угробили и мы к нему больше не вернёмся»⁴.

Этот эпизод можно рассматривать как частный эксцесс, а можно — как свидетельство сложности процессов, проходивших в профессиональном сообществе. Как свидетельство неоднородности архитектурного цеха, наличия разных позиций и разных дискурсов.

В статье рассматривается один сюжет из послевоенного Ленинграда, демонстрирующий эту неоднородность. Речь пойдет об особенностях «местного» взгляда на историю ленинградской архитектуры, об отличиях его от «общесоюзной» (вернее, московской) версии. Такое столкновение точек зрения налицо в материалах дискуссий вокруг «Краткого курса истории советской архитектуры». На рубеже десятилетий он активно обсуждается в ленинградском филиале Академии архитектуры (далее — ЛФ АА СССР) наряду с другими коллективными трудами (напр., «Кратким курсом истории русской архитектуры»). Эти курсы представляли доведённые до состояния текстов большие историографические проекты, которые тянулись годами, порой с довоенного периода — так что расстановка акцентов, подбор сюжетов, персоналий и объектов, даже периодизация корректировались от версии к версии в соответствии с изменениями в художественной политике. Обсуждения же демонстрируют многообразие точек зрения и в синхронном измерении.

В текстах, докладах, обсуждениях 1940-х – начала 1950-х налицо сложная сумма меняющихся оценок архитектуры предыдущих десятилетий, от осторожных попыток «профессиональной реабилитации» конструктивизма на волне военного и раннего послевоенного смягчения контроля и до окончательного закрепления «исторического канона» советской архитектуры в кампанию по борьбе с «космополитизмом и низкопоклонством перед Западом».

В Ленинграде была и своя специфика, связанная с особенностями истории профессиональных институтов, поколенческой структурой архитектурного сообщества, с историей утверждения модернистских течений и поворота 1930-х. Были здесь и свои работы исторического характера — напр., «Архитектурно-планировочный обзор развития города», опубликованный в 1943 г. под редакцией Н. В. Баранова, В. А. Каменского, Б. Р. Рубаненко и др., или «Архитектура и строительство Ленинграда» 1948 г. В те же годы ленинградский филиал Академии архитектуры работает над исследованием «Обобщение опыта градостроительства Ленинграда за 30 лет»⁵; оно должно было пред-

³ Там же. Л. 35–35об. В расшифровке стенограммы ошибочно «Лонгбард».

⁴ Там же. Л. 42–42об.

⁵ См.: ЦГАЛИ СПб. Ф. 347. Оп. 1. Д. 61. Руководитель темы Н. В. Баранов, в работе принимали

ставлять собой монографию в 400 печатных страниц (25 п. л.) с 500 иллюстрациями (20 п. л., итого текст с иллюстрациями 45 п. л.).

«Почему нужно было писать историю архитектуры Ленинграда без привлечения ленинградцев?»

Тем большее возмущение ленинградских архитекторов вызвал тот факт, что к написанию краткого курса истории советской архитектуры их первоначально не привлекли. Этим, по их мнению, объяснялось большое количество фактических ошибок в «ленинградской» части курса. «Почему нужно было писать историю архитектуры Ленинграда без привлечения ленинградцев?» — интересуется на обсуждении рукописи в мае 1951 г. Я. Д. Гликин. «Отсюда и получилась та, в ряде случаев, “развесистая клюква”, о которой говорил Евгений Адольфович [Левинсон]. <...> В Ленинграде имеется Филиал Академии архитектуры и, обратившись к нему, можно было бы избежать большого количества ошибок»⁶. А. И. Дмитриев: «Перевернута масса, много пропущено и добавлено то, чего нет»⁷.

Занимающий нас этап работы начинается в 1949 г., когда «руководящие организации поставили перед академией задачу написания “Краткого курса истории советской архитектуры” в качестве учебника для вузов объёмом в 40 печ. л. (20 листов текста и 20 листов иллюстраций). В 1949 г. авторским коллективом в составе <...> Н. П. Былинкина, Я. А. Корнфельда, <...> Ю. Ю. Савицкого, Н. Н. Стоянова и <...> А. И. Михайлова была закончена первая редакция <...>. В этой редакции учебник был широко прорецензирован и обсужден на комиссии <...> под председательством <...> Б. М. Иофана. В рецензировании участвовали крупнейшие специалисты по истории советской архитектуры и видные творческие работники». [Вторая авторская редакция] «была закончена 1 мая 1950 г.; после чего началось сводное редактирование» [4, с. 79]. Впрочем, как указывал Ю. Ю. Савицкий, «работа была начата в конце 1948 г., ещё до выхода правительственного постановления. Уже тогда было ясно, что такой курс нужно создать»⁸.

В состав редколлегии учебника входили А. И. Михайлов (гл. ред.), А. В. Власов, А. И. Гегелло, Б. М. Иофан, В. А. Джахангиров, В. И. Заболотный, А. Г. Курдиани, С. А. Сафарян, М. А. Усейнов [7, с. 78].

Ленинградские архитекторы обсуждали рукопись весной 1951 г. 11 мая заседала секция теории и истории ученого совета ЛФ АА СССР (предс. В. Ф. Шилков). 14 и 15 мая прошло обсуждение в Ленинградском отделении Союза архитекторов под предс. А. А. Оля с участием соавторов курса (москвичей Ю. Ю. Савицкого, А. И. Михайлова и Н. Н. Стоянова), учёного совета ЛФ АА СССР, представителей образовательных учреждений — ЛИСИ и ин-та им. Репина. В дискуссию включились лидеры ленинградского профессионального сообщества, в т. ч. принадлежавшие к старшему поколению — напр., А. И. Дмитриев, А. А. Оль. Среди выступавших были Н. В. Баранов, Е. А. Левинсон, В. А. Витман, Н. Б. Бакланов, В. И. Пилявский, Н. Ф. Хомутецкий, И. А. Барте-нев, В. Ф. Твелькмейер и др.

участие С. Е. Бровцев и Т. В. Римская-Корсакова.

⁶ ЦГАЛИ СПб. Ф. 347. Оп. 1. Д. 147. Л. 42.

⁷ Там же. Л. 59.

⁸ ЦГАЛИ СПб. Ф. 347. Оп. 1. Д. 148. Л. 4.

Рукопись удостоилась весьма невысокой оценки: предлагаемый текст, по мнению участников обсуждений, был неприемлем в качестве учебника. Как отмечал Н. В. Баранов, на него «эта работа произвела впечатление довольно бегло собранного <...> собрания вырезок из газет <...>»⁹. Нарекания вызывает и огромный объём издания, и характер текста: «На учебник этот труд вовсе не похож. <...> Мы вправе требовать от учебника четкого методического расположения материала, последовательности, удобочитаемости. <...> Самый объём работы, колоссальное количество названных произведений, также не дают возможности оценить эту работу как учебник. Но в то же время это и не научно-исследовательский труд — здесь нет никакого научного аппарата <...> и нет <...> глубокого анализа»¹⁰ (И. А. Бартнев). Архитекторы, в особенности преподающие, сомневались, жизнеспособно ли в качестве учебника издание такого объёма — до 40 листов при предписанных 25. В материалах неоднократно встречается рекомендация сократить текст на 40–50% и более¹¹.

«Борьба хорошего с отличным» vs «критика формализма»

С вопросом о прагматике курса связана и более общая проблема, занимавшая рецензентов: следует ли показывать только положительные примеры, уделять ли место «негативным» тенденциям, выстраивать ли нарратив лишь как историю утверждения «социалистического реализма» и борьбы с течениями, которые определяются как враждебные? Отметим, что в программе научных занятий Академии архитектуры это «позитивное» изменение дополняется критическим — в Москве, Ленинграде и Киеве в те же годы занимаются «критикой формализма» (следом этих занятий стала диссертация М. Цапенко 1949 г. и опубликованная в 1952 г. массовым тиражом его монография «О реалистических основах советской архитектуры»). В отделе теории и истории архитектуры ЛФ АА СССР темой занимаются под руководством А. И. Гегелло Я. Д. Гликин и О. С. Гринцевич. Программа работ по теме «Критика проявлений формализма в теории и практике советской архитектуры (на примере творческой практики ленинградских архитекторов)» обсуждалась на учёном совете филиала в декабре 1949 года.

Характерно, что здесь ситуация обратная — участники задаются вопросом о том, можно ли сосредоточивать внимание только на негативных явлениях и их критике или нужны и положительные примеры — чтобы не представлять, как выразился Н. Б. Бакланов, «увраж» — альбом произведений формалистической архитектуры, когда мы не можем создать увражей советской архитектуры»¹². Впрочем, программа исследования включала две части — условно теоретическую и историческую («краткий обзор основных этапов развития ленинградской архитектуры за 30 лет <...>»); история была представлена не только в критическом, но и в позитивном ключе, с упоминанием «выдающихся сооружений» разных периодов. Таким образом, критическое исследование, выполненное местными специалистами, могло претендовать на роль истории ленинградской архитектуры едва ли не с большим основанием, чем соответствующие разделы «Краткого курса», написанные москвичами.

⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 347. Оп. 1. Д. 147. Л. 13.

¹⁰ Там же. Л. 5.

¹¹ Там же. Л. 56.

¹² ЦГАЛИ СПб. Ф. 347. Оп. 1. Д. 49. Л. 31.

История vs телеология

История советской архитектуры пишется и воспринимается с позиции победитель, однако в текстах и выступлениях сталкиваются две точки зрения — условно телеологическая и собственно историческая. Телеологическая модель, характерная для «Краткого курса», как и для самых разных советских исторических нарративов, была предметом рефлексии архитекторов — хотя бы в той степени, в которой в «ошибочный», конструктивистский период действовали сами участники обсуждений или их учителя и коллеги.

Так, упоминая «вырезки из газет», Баранов отмечает, что они собраны «на протяжении <...> не длительного периода времени, а в последние годы, потому что, если бы были собраны газетные вырезки на протяжении длительного времени, то характер их 15–20 лет назад отличался от того характера, который они сейчас имеют. Во всяком случае, большинство из того, что было написано, дается авторами с точки зрения именно сегодняшнего дня. <...> Это неверно даже методически, потому что нельзя в уста наши, какими мы были 20 лет назад, вкладывать то, что мы представляем собой сегодня, ибо если бы это было так, то мы не делали бы тех опечаток, которые делали тогда, потому что были убеждены, что нужно делать именно так, а не иначе»¹³. Об этом же говорит В. Ф. Шилков: «<...> Авторы, которые взялись за это дело — явные герои. <...> Трудность <...> — период советского конструктивизма, который они пытаются обойти, ограничиваясь критикой одного Гинзбурга, который, кстати, умер [при правке стенограммы зачеркн.: «и которого поэтому можно ругать безнаказанно»]. <...> Изложение получилось не историчным, потому что для того, чтобы труд получился историчным, нужно было показать все этапы, показать, как, нарастая, идёт развитие советской архитектуры. <...> Из разговоров с москвичами выяснилось, что у них была тенденция: писать не историю советской архитектуры, а показать на примерах развитие социалистического реализма в советской архитектуре. <...> Я бы считал, что для истории такая установка сугубо тенденциозная — неправильна»¹⁴.

Проблематичность соцреализма и История советской архитектуры как «борьба с превосходящим противником»

Главная программная, методологическая установка этих работ осложняется тем, что сами зодчие открыто признают отсутствие внятных представлений о соцреализме в архитектуре. Соцреализм здесь определяется с опорой на общие указания руководства и апофатически, через противопоставление конструктивизму, эклектизму и другим течениям и тенденциям. Об этом говорит, напр., Н. Б. Бакланов в обсуждении программы «антиформалистических» исследований: «Нужно прежде всего вскрыть — что такое социалистический реализм. Мы о нем много говорим, но четкого и ясного определения — что такое социалистический реализм в архитектуре — у нас нет»¹⁵. Н. Ф. Хомуцкий говорит про рукопись «Краткого курса»: «Я кончил читать с впечатлением, что Вы не раскрыли метода социалистического реализма». В. И. Пилявский добавляет: «У меня тоже такое впечатление»¹⁶.

¹³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 347. Оп. 1. Д. 147. Л. 13.

¹⁴ Там же. Л. 47–48.

¹⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. 347. Оп. 1. Д. 49. Л. 32.

¹⁶ ЦГАЛИ СПб. Ф. 347. Оп. 1. Д. 148. Л. 84.

В репликах участников обсуждений история архитектуры предстает именно как история борьбы, перелома, причем конструктивизм изначально выглядит сильной стороной в этом противоборстве. Н. Ф. Хомуцкий: «Не знаю, чем объясняется робость авторского коллектива, что хорошо показывается значение в истории советской архитектуры ведущих архитекторов Фомина, Руднева, Щуко, Щусева, Гельфрейха, но нигде не говорится, что эти ведущие архитекторы под влиянием[,] под нажимом конструктивизма отдали ему известную дань. Что мы боимся этим уронить их роль? <...> Надо объяснить силу и значение этого напора. <...> Нужно <...> показать, почему этот факт был так силен, почему он сказался на Рудневе, на Щуко. Нужно было вскрыть причины конструктивизма»¹⁷. В качестве причины Хомуцкий называет экономику: «В обстановке того времени, когда советский архитектурный фронт не имел достаточной подкованности в экономике, мы обратились к западно-европейским образцам: Корбюзье, Гинзбург [характерная оговорка!], Мендельсон и т. д.»¹⁸.

Ленинградская архитектура в «ленинградской перспективе»

В материалах дискуссий читатель постоянно сталкивается с набором качеств, принципов, особенностей, которыми наделяется именно ленинградская архитектура. Создателям исторических текстов следовало продемонстрировать эту специфику, избежав при этом «изоляциялизма». Так, на обсуждении программы «Критики проявлений формализма...» в декабре 1949 г. Н. Б. Бакланов сетует: «Мне было обидно за Ленинград, потому что в Москве формалистических явлений было значительно больше, а я всегда гордился, что наша традиционность нас спасла от формалистических увлечений! Они у нас есть в деталях, но в общем мы очень стойко держались. И то, что Москва подсунула нам эту тему, мне кажется преднамеренным. Не так уж мы погрязли в формализме! Может быть, Татлин [в стенограмме ошибочн. Таглер]? Но он скорее москвич, чем ленинградец»¹⁹. При этом в отзыве на программу читаем: «<...> Ленинградская архитектура и явления, происходящие в архитектурном мире Ленинграда, рассматриваются абсолютно оторвано от всего Советского Союза, словно Ленинград какой-то изолированный остров, живущий своей собственной жизнью, не связанной с жизнью всей страны. Явления в архитектуре Ленинграда лишь частное проявление всей борьбы за социалистический реализм в Советской стране в области архитектуры. <...> Этот «изоляциялизм» не научен и вреден»²⁰.

После рецензирования и обсуждений рукописи «Краткого курса» в июне 1951 г. прошло собрание действительных членов и членов-корреспондентов Академии. Учебник был отправлен на переработку, кроме того, президиум Академии «поручил ленинградскому филиалу принять участие в работе над Кратким курсом по разделу, охватывающему ленинградское творчество»²¹. Таким образом, недовольство ленинградских архитекторов не было проигнорировано. Более того, из авторов вспомогательных материалов для москвичей они превратились в полноценных соавторов курса: «<...> Лен. филиалу было поручено по разделу истории архитектуры Ленинграда подработать

¹⁷ Там же. Л. 90–92.

¹⁸ Там же. Л. 92.

¹⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 347. Оп. 1. Д. 49. Л. 31.

²⁰ ЦГАЛИ СПб. Ф. 347. Оп. 1. Д. 72. Л. 28.

²¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 347. Оп. 1. Д. 152. Л. 3.

материал для авторов, которые ведут разработку курса в целом <...>, <...> уточнить датировки и <...> дать атрибуции. <...> Из разговора с авторами <...> выяснилось, что мы должны дать, кроме того, характеристику некоторых объектов. Это требовало, чтобы нами были даны наброски текста <...>»²² (В. Ф. Шилков). «Ленинград первый откликнулся на <...> призыв и <...> перевыполнил то поручение, которое ему давалось Президиумом Академии: вместо технических уточнений, авторская группа разработала связный текст истории развития ленинградской советской архитектуры»²³ (Ю. Ю. Савицкий)

24 сентября 1951 г. секция теории и истории советской архитектуры ЛФ АА СССР собирается снова для обсуждения списка объектов, подлежащих включению в курс, и архитекторов, удостоенных монографических очерков. Этот список «лидеров ленинградской архитектуры» включает Гегелло, Никольского, Троцкого, Ильина, Иг. И. Фомина, Левинсона (в дискуссии ещё упоминают Оля, Витмана, Бурышкина, Катонина, Барутчева, Гинцберга, Асса). При этом И. А. Фомин, Гельфрейх, Руднев, Щуко проходят по московскому разделу учебника.

В. Ф. Шилков отмечал: «<...> Монографический очерк должен быть посвящён тем архитекторам, которые создали определенные школы. В этом отношении мы можем говорить <...> о школе Никольского <...>. Может быть она имеет отрицательные черты, но, с другой стороны, это школа, которая существует даже в настоящее время. Определённая школа была и у Е. А. Левинсона, И. А. Фомина [возможна ошибка расшифровки, речь, вероятно, идет о Иг. И. Фомине], потому что она оказала большое влияние на развитие ленинградских архитекторов. Градостроительная школа Ильина»²⁴.

Именно градостроительное начало воспринимается как характерная черта ленинградской архитектуры, едва ли не главное ее достоинство: «<...> Наши кварталы — Щемиловка, Московское шоссе, М. Охта и Автово — были первыми примерами в СССР, когда строились социалистические кварталы на новом месте, где ничего кроме травы не было. Это должно быть рассказано, показано и объяснено. <...> Из всех жилмассивов можно показать Батенинский. <...> Я <...> не стал бы показывать Василеостровского дома культуры <...>, а Кировский райсовет показал бы, потому что действительно очень красиво, очень характерно <...>; очень красиво скомпоновано, интересно и хорошо стоящий на площади»²⁵ (А. А. Оль).

В список объектов для углубленного анализа была включена Тракторная ул., обсуждался Палевский жилмассив, среди дискуссионных объектов был проект И. А. Фомина для крематория, который, по мнению Е. А. Левинсона, имел «громдное потенциальное значение в последующем развитии советской архитектуры»²⁶.

Список объектов был утверждён 24 сентября, после чего началась разработка текста ленинградского раздела курса²⁷. 26 октября он выносится на суд учёного совета филиала Академии. Как указывал В. Ф. Шилков, «эту работу можно было исполнить в течение такого короткого времени только потому, что мы могли использовать наши ра-

²² ЦГАЛИ СПб. Ф. 347. Оп. 1. Д. 156. Л. 3–4.

²³ Там же. Л. 57.

²⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 347. Оп. 1. Д. 152. Л. 32об.

²⁵ Там же. Л. 21–21об.

²⁶ Там же. Л. 27об.

²⁷ См.: ЦГАЛИ СПб. Ф. 347. Оп. 2. Д. 255. Иллюстративное приложение к тексту (Д. 252) включает 48 объектов.

боты, уже проведенные в Ленфилиале — это работа по обобщению опыта жилищного строительства и <...> опыта планировки Ленинграда»²⁸. И далее: «Мы не претендуем на безупречность. <...> Может быть, нужно, а может быть, и не нужно проявлять то, что всегда было сугубым уклоном у Ленинграда — какой-то сугубый ленинградский патриотизм». В связи с таким амбивалентным упоминанием «ленинградского патриотизма» уместно напомнить о «Ленинградском деле», которое к этому моменту раскручивалось уже в течение более чем двух лет (и имело, в частности, печальные последствия для главного архитектора города Н. В. Баранова).

На этом обсуждении также говорится о преемственности, непрерывности школы, непрерывности классической традиции. В. Ф. Твелькемейер отмечал: «Неизвестно ещё, где больше «классического завершения» [возможна ошибка расшифровки, вероятно, «совершенства»] — в арке [И. А. Фомина на Островах] или в станции «Красные ворота», которые строились одновременно с наземным вестибюлем Ладовского и Фридмана (на пл. Дзержинского), когда И. А. Фомин очень робко и оголенно трактовал классические мотивы, будучи в окружении московских формалистов типа Ладовского, Мельникова и других»²⁹. И далее: «И даже эпоха конструктивизма протекала в Ленинграде иначе, чем в Москве, поскольку в Ленинграде были такие явления, как произведения Белогруда и других, и эпоха конструктивизма проходила не так бурно, как в Москве, поскольку в Ленинграде она происходила с оглядкой на классику»³⁰. По словам А. И. Наумова, ленинградские архитекторы «исключительно большое внимание уделяли вопросам ансамбля»³¹.

Традиционность новаторства

Авторами работы, выполненной в Ленфилиале, были В. Ф. Шилков (руководитель темы), Я. Д. Гликин, О. С. Гринцевич, В. Л. Ружже и аспирант Л. В. Зельтен. Вторая редакция также датирована 1951 г. Текст делился по периодам — от первых революционных лет до послевоенного пятилетия. Раздел «Ведущие архитекторы Ленинграда», которым посвящены отдельные очерки, включал в результате следующие имена: А. И. Гегелло, Л. А. Ильин, Е. А. Левинсон и Иг. И. Фомин, А. С. Никольский, Н. А. Троцкий, В. А. Витман, А. А. Оль, Л. М. Тверской³².

Акцент на традиционности, преемственности налицо в т. ч. в области архитектурного образования: «В Ленинграде Свободные мастерские были организованы в Академии Художеств. Высокий авторитет старой школы и возможность поступления в мастерские без отборочных испытаний привлекли большое количество желающих <...>»³³. «Формалистическое направление, возникшее в Ленинграде в 1919 г. в живописи, которое было перенесено позже в архитектуру такими идеологами как К. Малевич и В. Татлин, сыграло значительную роль в создании и идейном вооружении форма-

²⁸ ЦГАЛИ СПб. Ф. 347. Оп. 1. Д. 156. Л. 4.

²⁹ Там же. Л. 41.

³⁰ Там же. Л. 45, 68.

³¹ Там же. Л. 13.

³² «Те характеристики, которые были даны в первой редакции «Краткого курса», мы разослали персонально и просили адресатов сообщить, если они с чем-нибудь не согласны. Мы и сами ездили к товарищам и спрашивали» (В. Ф. Шилков. Там же. Л. 73.). Рукопись курса см.: ЦГАЛИ СПб. Ф. 347. Оп. 2. Д. 255.

³³ Здесь и далее цит. см.: ЦГАЛИ СПб. Ф. 347. Оп. 2. Д. 255. Л. 9–10.

листических направлений в архитектуре (будущих ОСНОВА [так. — В. Б.] и ОСА), но не повлияло на подготовку архитекторов в Ленинграде». «В 1921–22 учебном году свободные мастерские были реорганизованы в нормальную высшую художественную школу с четырьмя факультетами». «Взятый за основу учебный план архитектурного факультета дореволюционной Академии был перестроен с учетом политических и современных технических требований».

В заключении по первой главе говорится: «Непревзойденные ансамбли города, наличие сильного коллектива архитекторов [вписано: сложившиеся классические традиции обуславливают] <...> поиски нового идейно-художественного содержания в архитектуре на градостроительных основах, базирующихся на классическом наследии»³⁴.

С другой стороны, преемственность в рамках профессионального сообщества определяет неожиданно спокойную и благожелательную тональность, в которой говорится о конструктивистских памятниках, о сооружениях «восстановительного периода (1921–1925 гг.)». Подробного и сочувственного рассмотрения удостоена Тракторная улица, которая «является одной из наиболее интересно решенных жилых улиц Ленинграда, представляющих на всем своем небольшом протяжении единый гармонично звучащий ансамбль»³⁵. «Архитектура домов Тракторной улицы отличается крайней лаконичностью и простотой. Она построена на удачно найденных пропорциях проемов и плоскостей стен, на ритмично расположенных эркерах и балконах, на простых и даже несколько грубых деталях. Ясный, правдивый, так удачно ответивший своему времени характер архитектуры создает новый облик рабочего жилья, наполненного светом и воздухом. Общий солнечно-жёлтый тон окраски домов усиливает жизнерадостное впечатление от всего ансамбля. <...> В общей композиции Тракторной улицы и решении её архитектуры авторы пытались <...> найти новую пластическую выразительность в трактовке старых элементов. Архитектуре домов, всему ансамблю улицы авторы придали те черты динамичности и своеобразной экспрессии, которые придавали некоторый налет романтизма»³⁶. Весьма хвалебно отзываются и о Палевском жилмассиве. Как указывают авторы, в архитектуре этого периода дом представляет собой часть градостроительного ансамбля, он приобрёл трёхмерность и стал решаться «как архитектурный объём, а не как разукрашенная плоскость главного фасада»³⁷.

Внимание к ансамблевым, градостроительным качествам застройки определяет оценки архитектуры разных периодов. Так, в массовом жилом строительстве эпохи индустриализации и первой пятилетки «кварталы объёмно организуются без учёта создания единого ансамбля»³⁸. Авторы указывают, что игнорирование архитектурного наследия «не даёт возможности развития градостроительных традиций Ленинграда, что создаёт несколько чуждые элементы в едином облике города»³⁹. Но в целом тональность текста выглядит неожиданно благожелательной на фоне погромной критики конструктивизма, «формализма» и проч., характерной для архитектурных текстов рубежа 1940–50-х. В разделе про архитектуру второй и третьей пятилеток упоминают-

³⁴ Там же. Л. 11.

³⁵ Там же. Л. 17.

³⁶ Там же. Л. 18.

³⁷ Там же. Л. 20.

³⁸ Там же. Л. 30.

³⁹ Там же. Л. 36.

ся ранние крупноблочные дома С. В. Васильковского: «Несмотря на крайнюю лаконичность архитектурного языка, скупость в украшениях <...>, жилой дом арх. Васильковского <...> воспринимается как сооружение ясное, законченное и уравновешенное»⁴⁰. Хвалят авторы и ленинградской Дом Советов, хотя отмечают в его архитектуре «некоторые черты переходного периода, связанного с преодолением формалистических направлений и недооценкой русского классического наследия»⁴¹. И более чем восторженную оценку получает дом ВИЭМ работы Н. Е. Лансере, хотя трагическая судьба архитектора не была тайной для коллег, и его упоминание могло быть просто опасным: «Застроенный жилыми домами первоклассных мастеров предреволюционного Петербурга (Белогруд, Шуко, Лидваль и др.) Кировский проспект требовал от арх. Н. Е. Лансере <...> высокого мастерства и умения найти те архитектурные формы, которые бы позволили вписать новый дома в существующий ансамбль, связав его с ближайшим окружением — домами академика В. А. Шуко. Творческое обращение к классическому наследию помогло автору добиться свежей и самостоятельной трактовки старых форм. Этот новый дом тесно увязан со всем ансамблем Кировского проспекта. Архитектор Н. Е. Лансере как нельзя более удачно разрешил задачи создания жилого дома высокого качества как по своим планировочным, так и по архитектурным данным. <...> В архитектуре дома достигнута ясность композиции, высокая культура детали и качества всех строительных и отделочных работ»⁴².

Заключение

Переработанная сводная вторая редакция учебника в августе 1952 г. была направлена рецензентам — с тем, чтобы в октябре утвердить книгу к печати. Материалы, подготовленные ленинградскими архитекторами, были использованы при подготовке рукописи. Авторский коллектив курса остался прежним, практически не изменился и состав редколлегии (из новых имен в него вошел М. И. Рязнин).

Гигантомания не была изжита — учебник всё равно получился на 35 листов. Имеющийся у автора статьи экземпляр рецензии из архива Н. Ф. Хомуцецкого демонстрирует характер изменений, а оценки и рекомендации рецензента отлично характеризуют обстановку и атмосферу, в которой создавался текст и в которой работали архитекторы: «Авторам удалось теперь более правильно показать историю развития советской архитектуры как историю борьбы революционной романтики и метода соцреализма, со всеми чуждыми воззрениями и течениями, приведшую в конце концов к безраздельному господству первых»⁴³. Эта схема — с движением от «революционной романтики» к соцреализму через временную «сдачу позиций» в пользу конструктивизма — в ленинградских текстах этого времени выглядит вполне канонической. И если В. Ф. Твелькейеру не хватает в ленинградском разделе 1951 г. анализа «революционной романтики эпохи военного коммунизма», то сами авторы усматривают таковую, напр., в фоминском проекте Дворца Труда: «Взятые в основу формы классики нарочито упрощены и наделяются суровостью и сдержанной силой, отвечающими величию

⁴⁰ Там же. Л. 55.

⁴¹ Там же. Л. 58.

⁴² Там же. Л. 53.

⁴³ Хомуцкий Н. Ф. Заключение официального рецензента о второй редакции «Краткого курса истории советской архитектуры». Л., 1952. Рукопись (собств. авт.). Л. 1.

и романтике революционной эпохи. Не случайно девизом И. А. Фомина в этот период стала «Красная дорика»⁴⁴.

При этом создатели переработанного «Краткого курса» по-прежнему «не вскрывают причин и предпосылок имевших место <...> чуждых и вредных течений, воззрений и взглядов (конструктивизма, формализма, архаики)»⁴⁵. Из общих замечаний Хомуцкий рекомендует добавить биографические справки на Иваницкого, Буниатова, Витмана, Оля, И. Голосова. В постраничных ремарках рецензент пишет: «нет необходимости популяризировать имя Ладовского»⁴⁶. Предлагается сократить в 2–3 раза описание дома-коммуны Наркомфина, «явно преувеличена оценка качеств Палевского жилмассива», «нельзя не отметить формалистической сущности ж/дома Ленсовета на Карповке»⁴⁷ и т. д.

Процесс подготовки «Краткого курса» в начале 1950-х не закончится. Так, ещё в 1957 г. В. Ф. Шилков и В. Л. Ружже работают над иллюстрациями для разделов по истории ленинградской архитектуры⁴⁸. Учебник истории советской архитектуры выйдет только в 1962 г., во времена гораздо более «вегетарианские»; большинство его авторов работало над этим проектом ещё с рубежа 1940–50-х. В качестве послесловия следует привести несколько цитат из отзыва Н. Ф. Хомуцкого 1952 г.: «Считаю недопустимым популяризировать имя Н. В. Баранова как автора генплана 1939–40 г. Вообще рекомендую нигде в курсе не упоминать имени Н. В. Баранова. То же самое рекомендую и по отношению <...> С. В. Васильковского, о котором в лучшем случае упомянуть один раз в связи с Гурьевским городком. <...> Стоит ли так уже расхваливать жилой дом ВИЭМ и популяризировать имя Н. Е. Лансере, который был арестован органами НКВД и закончил свою жизнь в заключении. Я полагаю, что История советской архитектуры не много потеряет, если о нем не упоминать, так же как это сделано и с именем А. А. Юнгер и др.»⁴⁹. Профессиональная дискуссия переходит в модус политического доноса, и без ясного сознания сегодняшним историком этих обстоятельств, «фона», политической и социальной атмосферы эпохи изучение истории советской архитектуры представляется невозможным.

Литература

1. Баранов Н. В. Архитектура и строительство Ленинграда. — Л.: Лениздат, 1948. — 92 с.
2. Былинкин Н. П., Володин П. А., Корнфельд Я. А. и др. История советской архитектуры. 1917–1958. — М.: Госстройиздат, 1958. — 347 с.
3. Ленинград: архитектурно-планировочный обзор развития города. Отв. ред.: Баранов Н. В. — Л.; М.: Искусство, 1943. — 403 с.
4. Михайлов А. И. О работе над учебником истории советской архитектуры // Работы Академии

⁴⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 347. Оп. 2. Д. 255. Л. 7.

⁴⁵ Хомуцкий Н. Ф. Заключение официального рецензента... Л. 2.

⁴⁶ Там же. Л. 7.

⁴⁷ Там же. Л. 9.

⁴⁸ См.: ЦГАЛИ СПб. Ф. 347. Оп. 2. Д. 397.

⁴⁹ Хомуцкий Н. Ф. Заключение официального рецензента... Л. 12–13. Там же: «Следует упомянуть о больших градостроительных работах, проведенных в Ленинграде к 7/XI-1949 года /с приходом нового партийного руководства/» (Л. 19). Архитектор и художник А. А. Юнгер был арестован в блокадном Ленинграде в 1942 г. и погиб в 1948 г.

- архитектуры СССР 1949–1950 гг. Сборник информационных сообщений к IX сессии Академии архитектуры СССР. Вып. 1. — М.: Гос. изд-во архитектуры и строительства, 1950. — С. 79–81.
5. *Цапенко М. П.* О реалистических основах советской архитектуры. — М.: Гос. изд. лит. по строительству и архитектуре, 1952. — 395 с.
 6. *Цапенко М. П.* Борьба с формализмом в советской архитектуре. Автореферат ... канд. искусствоведческих наук. — М., 1949. — 26 с.
 7. *Чернов Е. Г.* О работе Института истории и теории архитектуры АА СССР // Работы Академии архитектуры СССР 1949–1950 гг. Сборник информационных сообщений к IX сессии Академии архитектуры СССР. Вып. 1. — М.: Гос. изд-во архитектуры и строительства, 1950. — С. 77–78.

Название статьи. История советской архитектуры: взгляд из Ленинграда рубежа 1940–50-х годов. К вопросу о разнообразии историографических перспектив

Сведения об авторе. Басс, Вадим Григорьевич — кандидат искусствоведения, доцент. Европейский университет в Санкт-Петербурге, Гагаринская ул., д. 6/1А, Санкт-Петербург, Российская Федерация, 191187; bass@eu.spb.ru; ORCID: 0000-0003-4725-6356; Scopus ID: 57192363760

Аннотация. В 1930–1950-х гг. в Академии архитектуры СССР разрабатывается ряд проектов по истории русского и советского зодчества. На рубеже 1940–1950-х гг. некоторые из них были доведены до стадии рукописей и проходили обсуждение в профессиональных кругах. Эти обсуждения демонстрируют неожиданное в условиях идеологического диктата разнообразие взглядов. Наряду с «общесоюзной» (вернее, московцентричной) точкой зрения, существовали и «региональные».

Статья строится на архивных материалах обсуждений «Краткого курса истории советской архитектуры» в Ленинградском филиале Академии. В этих документах нашли отражение специфика архитектурно-исторических школ и конкуренция исследователей. Так, недовольство ленинградцев качеством соответствующих разделов имело следствием привлечение их к написанию курса. Некоторая автономия ленинградской архитектуры отразилась в точке зрения, согласно которой город практически не был затронут «формалистическими», модернистскими течениями, в утверждении профессиональной преемственности по отношению к работам мастеров дореволюционного периода, в постоянном подчеркивании градостроительных, ансамблевых качеств, которые лежат в основании местной традиции, и, наконец, в отборе памятников, а также персоналий, которым следовало посвящать отдельные очерки на страницах курса.

Ключевые слова: история советской архитектуры, ленинградская архитектурная школа, учебник истории архитектуры, Академия архитектуры, региональные особенности советской архитектуры

Title. History of Soviet Architecture as Seen from Mid-Century Leningrad: On the Diversity of Historiographical Perspectives

Author. Bass, Vadim G. — Ph. D., associate professor. European University at St. Petersburg, Gagarinskaya ul., 6/1A 191187 St. Petersburg, Russian Federation; bass@eu.spb.ru; ORCID: 0000-0003-4725-6356; Scopus ID: 57192363760

Abstract. During the 1930s to the 1950s the Academy of Architecture of the USSR developed several projects on the history of Russian and Soviet architecture. By the turn of the 1940s and 1950s, some of them reached the manuscript stage and became the subject of reviewing and professional discussion. These discussions demonstrated impressive variety of opinions. Along with the “All-Union” (Moscow-centric) perspectives, there were also “local” ones. Despite the centralization and ideological constraints, the Leningrad architectural community retained a certain degree of autonomy in terms of both style and values.

The article has been based on archival documents including the discussions of the ‘Concise Course of the History of Soviet Architecture’ at the Leningrad branch of the Academy. They allow to reconstruct a peculiar “Leningrad perspective” on the Soviet history of architecture. A certain autonomy of the Leningrad architecture was reflected in the view that the city was practically unaffected by “formalist” and modernist trends, in the assertion of professional continuity in relation to the works of the masters of the pre-revolutionary period, in the constant emphasizing of the city-planning and ensemble qualities that underlie the local tradition, and, finally, in the selection of monuments and personalities to whom separate essays should be devoted in the course.

Keywords: history of Soviet architecture, Leningrad architectural school, the course of the architectural history, the Academy of Architecture of the USSR, local trends in Soviet architecture

References

- Baranov N. V. (ed.). *Leningrad: arkhitekturno-planirovochnyi obzor razvitiia goroda (Leningrad: A Review of Architectural and Town-Planning Development of the City)*. Leningrad; Moscow, Iskusstvo Publ., 1943. 403 p. (in Russian).
- Baranov N. V. *Arkhitektura i stroitel'stvo Leningrada (Architecture and Construction of Leningrad)*. Leningrad, Lenizdat Publ., 1948. 92 p. (in Russian).
- Bylinkin N. P.; Volodin P. A.; Kornfel'd Ia. A. et al. *Istoriia sovetskoi arkhitektury. 1917–1958 (The History of Soviet Architecture. 1917–1958)*. Moscow, Gosstroizdat Publ., 1958. 347 p. (in Russian).
- Chernov E. G. About the Work of the History and Theory of Architecture Institute at the Academy of Architecture of the USSR. *Raboty Akademii arkhitektury SSSR 1949–1950 gg. Sbornik informatsionnykh soobshchenii k IX sessii Akademii arkhitektury SSSR (The Works of the Academy of Architecture of the USSR in 1949–50), iss. 1*. Moscow, 1950, pp. 77–78 (in Russian).
- Mikhailov A. I. On Writing the Textbook in Soviet Architectural History. *Raboty Akademii arkhitektury SSSR 1949–1950 gg. Sbornik informatsionnykh soobshchenii k IX sessii Akademii arkhitektury SSSR (The Works of the Academy of Architecture of the USSR in 1949–50), iss. 1*. Moscow, 1950, pp. 79–81 (in Russian).
- Tsapenko M. P. *Bor'ba s formalizmom v sovetskoj arkhitekture (The Struggle against Formalism in Soviet Architecture)*, Ph D. Diss. Abstract. Moscow, 1949. 26 p. (in Russian).
- Tsapenko M. P. *O realisticheskikh osnovakh sovetskoi arkhitektury (On Realist Foundations of Soviet Architecture)*. Moscow, 1952. 395 p. (in Russian).